

ОХРАНЯЕТСЯ ЛИ СОБСТВЕННОСТЬ НОРМАМИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ПО УК РФ?

Понятовская Татьяна Григорьевна,
доктор юридич. наук, профессор
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(Москва)

„Крайне наивно было бы предполагать, – писал А.Э. Жалинский, – что охрана – это лишь консервация, а не необходимое изменение состояния, как самого объекта, так и среды, в которой он функционирует”¹. Действительно, одни ценности утрачивают прежнее уголовно-политическое значение, другие приобретают его, а некоторые объекты уголовно-правовое охраны трансформируются. Меняются условия и порядки экономической деятельности, ее формы и даже субъекты. Вместе с этими изменениями трансформируется и организационная система экономической деятельности. Не исключено, что в скором времени общество придет к признанию и законодательному закреплению новых, не выделенных до сих пор экономических интересов, а необходимость их охраны (или обеспечения) приведет к дополнению Особенной части Уголовного кодекса новыми статьями или к отмене некоторых из ныне действующих уголовно-правовых норм².

Однако при всей изменчивости, текучести в потоке времени способов реализации экономических интересов личности, общества и государства не меняется (и не должно изменяться) уголовно-политическое значение собственности как правового блага, обеспечивающего необходимые условия „вещественного существования” каждого из субъектов уголовного права. По Гегелю, собственность – критерий равенства всех людей³. По утверждению Джона Локка, в естественном

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. С. 211.

² См., например: Козловская А.Э. Обоснование целесообразности введения уголовной ответственности за незаконные корпоративные захваты // Уголовное право и современность. Сборник статей. Выпуск 2/ Науч. ред. д.ю.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.Э. Жалинский, отв. ред. к.ю.н. С.А. Маркунцов. – М., 2009, с. 182 – 190.

³ Гегель. Философия права // Работы разных лет. – Т.2. – М., 1971, с. 7-79; 196-205ю

состоянии человек обладает равными с другими людьми правами на собственность. Поэтому „высшей и главной целью объединения людей в государство и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности”⁴. „Мы видим, – писал он, – что сержант, который может приказать солдату подойти к жерлу пушки или стоять в проеме крепостной стены, где он почти наверняка погибнет, не может приказать этому солдату дать ему хотя бы пенни из своих денег”⁵.

Политико-правовые идеи, положенные в основание правового оформления и законодательного закрепления собственности, являются базовыми для правовой идеологии каждого государства. Может быть, именно по этой причине собственность сохранилась как древнейший из правовых институтов. В этом контексте не могу согласиться с приведенным выше утверждением А.Э. Жалинского: уголовно-правовая охрана собственности нуждается именно в „консервации”, которая, тем не менее, предполагает правовое обоснование, настолько же глубокое, насколько основательным является и политическое значение собственности как правового блага.

Независимо от форм собственности (частная, общественная, государственная, личная или совместная) и ее видов (вещная или интеллектуальная), она всегда персонифицирована, привязана своими корнями к правообладателю. Эта онтологическая связи собственности и ее носителя была давно подмечена и обоснована: „Человек, будучи господином над самим собой и владельцем своей собственной личности, ее действий и ее труда, заключил в себе самом великую основу собственности. И то, что создавало большую часть того, что он употреблял для поддержания своего существования или для своего удобства, когда изобретения и искусства улучшали жизненные условия, было полностью его собственным”⁶.

Собственность как правовое благо связана со своим носителем. Ее содержательная, правовая и экономическая стороны определяются и реализуются только через носителя, без которого невозможен ни один из правоустанавливающих или правоизменяющих фактов. Право собственности возникает по воле человека, реализуется, трансформируется и прекращается только по воле правообладателя (за исключением случаев конфискации имущества). Можно сказать, что интересы и persona носи-

⁴ Джон Локк. О государственном правлении // Избранные философские произведения. – М.: Соцэкгиз, 1960, с. 124.

⁵ Там же, с. 82.

⁶ Джон Локк. О государственном правлении. С. 28.

теля права собственности являются имманентными составляющими этого правового блага.

Говоря об уголовно-правовой охране собственности, прежде всего, необходимо выяснить, что именно в ней нуждается: те или иные общественные отношения или интересы их участников (субъектов); каких именно субъектов; какие именно интересы (общие или персонифицированные?). Определение социального и правового значения этих (нередко персонифицированных) интересов имеет принципиальное значение для обеспечения надлежащей уголовно-правовой охраны.

Однако до сих пор не ясно, что же охраняет российский уголовный закон: собственность как правовой институт или как экономический феномен; право собственности или отдельные его элементы (владение, пользование и распоряжение имуществом); предметы собственности; отдельные интересы субъектов собственности (и каких именно), их правовые или именно имущественные блага. В современной российской уголовно-правовой доктрине укоренилось отождествление с правом собственности лишь внешних форм его проявления (владения, пользования и распоряжения) в отрыве от субъекта, носителя этого правового блага. По справедливому утверждению С.А. Бочкарева, „теория ответственности за преступления против собственности продолжает строиться по принципу безусловного следования (началам и производным) римскому праву. Понятие собственности подменяется экономическими и юридическими представлениями о собственности”⁷. Поэтому на вопрос, чью собственность охраняет уголовный закон, мы можем дать только один определенный ответ – чужую (а, может быть, ничью...).

Подобное решение вопроса в рамках советской уголовно-правовой доктрины не удивляет, если обратиться к постулату советской правовой идеологии, сформулированному в 1922 году В.И. Лениным в записке к Курскому по поводу концепции нового гражданского законодательства: „В социалистическом государстве ничто частное не признается – все публичное”. С тех пор многое изменилось в правовой, в том числе уголовно-правовой, идеологии, но вопрос об ответственности за преступления против собственности по-прежнему решается „безответственно”.

Отделение собственности как правового блага от правообладателя осуществляется не только в теории, но и в практике применения норм о хищениях по УК РФ. Так, несмотря на то, что, согласно примечанию к ст. 158 УК, обязательным признаком хищения является причинение ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества, ответст-

---

⁷ Бочкарев С.А. Собственность в уголовном праве / Под ред. А.Э. Жалинского.– М.: NOTA BENE, 2011, с. 54.

венность, например, за кражу несет человек, похитивший имущество у другого вора, т.е. лица, не являющегося ни собственником, ни законным владельцем имущества.

Возникает резонный вопрос: что же олицетворяет в таком случае похищенное имущество, утратившее связь с первоосновой, правообладателем, переходящее из рук одного случайного для него человека в руки другого, такого же случайного? Какое отношение к собственности имеет этот бесконечный круговорот обезличенных вещей, которые и могут быть определены как имущество только в силу их онтологической связи с правообладателем? Без этой связи предмет хищения – не имущество, а просто вещь, имеющая свою, сугубо экономическую, характеристику. Поэтому в рамках сформировавшейся уголовно-правовой идеологии признак „причинение ущерба собственнику или иному владельцу” не служит адекватным отражением общественной опасности преступления против собственности. Не служит потому, что ни право собственности того лица, у которого была похищена вещь, ни законность владения (вернее – обладания) ею, ни другие правомочия „потерпевшего” не имеют значения для квалификации деяния по признакам хищения.

По сути, все, что осталось от собственности как правового блага в уголовно-правовом прочтении, это вещь, имеющая экономические свойства. В свою очередь, хищение как преступление против собственности – это незаконное завладение этой вещью⁸. Понятно, что объективированная, усредненная цена вещи (например, ее рыночная стоимость или розничная цена) служит единственным показателем того ущерба, который является обязательным признаком хищения.

Вспоминается случай из следственной практики, когда, несмотря на показания потерпевшего о ничтожности похищенных из его квартиры вещей, ветхих, утративших свои потребительские свойства (прикроватного коврика, покрывала и подушки), по делу была назначена товаредческая экспертиза на предмет оценки похищенного имущества. Похитители должны были быть осуждены, так как совершили преступление по предварительному сговору группой лиц и с проникновением в жилище. Эти признаки накопили общественную опасность, достаточную для задержания и осуждения виновных, а вопрос о том, присутствует ли в обстоятельствах дела признак ущерба собственнику, не обсуждался и даже не возникал. Этот вопрос был технично обойден назначе-

---

⁸ Нужно сделать оговорку: предметом мошенничества может быть также право на имущество. Пожалуй, только в этом контексте можно говорить, что связь предмета хищения с правообладателем потеряна не совсем.

нием товароведческой экспертизы. Однако именно этот вопрос должен был поставить под сомнение обоснованность вменения признаков хищения.

Законодатель прибегает к использованию этого признака, не заботясь о том, посредством каких механизмов практика должна (и может) его устанавливать, какие обстоятельства (или факты) должны служить составляющими того или иного ущерба⁹.

По сути, понятие „ущерб” подменила стоимостная (экономическая) характеристика предмета хищения: если стоимость похищенного имущества превышает одну тысячу рублей, кража влечет уголовную ответственность; значительный ущерб физическому лицу оценивается законодателем в сумму равную или превышающую две с половиной тысячи рублей. Следующая отметка на шкале оценки – уже не ущерб, а размер похищенного имущества (его стоимость): крупный размер определяется стоимостью имущества, превышающей двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупный размер – один миллион рублей (примечания 2, 4 к ст. 158 УК). Избавившись от термина „ущерб” в характеристике причиненного хищением вреда, законодатель окончательно и бесповоротно утвердился на позиции экономической (стоимостной) характеристики собственности.

Можно посетовать на то, что указанные выше стоимостные отметки на шкале оценок ущерба собственности являются произвольными (случайными). Если принимать за исходную точку оценки ущерба прожиточный минимум, то в регионах России он имеет существенные различия. Поэтому такая граница значительного ущерба для физического лица, как две с половиной тысячи рублей, не имеет ни экономического, ни социального обоснования. Обоснование стоимостных критериев оценки предмета хищения – увлекательное занятие, и даже перспективное направление науки. Однако чем больше усилий мы будем прилагать к разработке стоимостных критериев оценки предмета хищения, тем дальше мы будем уходить от заветной цели – уголовно-правовой охраны собственности как правового блага.

В советской идеологии собственность трактовалась как необходимость материальной составляющей общественной жизни на переходный к коммунистическому строю период времени. Ее перспектива – отмирание (вместе с товарно-денежными отношениями). В нравственном плане, частнособственнические интересы противоречили морально-

---

⁹ Не говоря о том, что в последнее время отождествление понятий „ущерб”, „вред”, „доход” при формулировании уголовно-правовых запретов экономических преступлений является для законодателя делом обычным (нередко, вопреки характеру и социально-политическому значению этих деяний).

му кодексу строителя коммунизма. Как ни парадоксально, но в таких, губительных для охраны собственности идеологических условиях УК РСФСР относился к институту собственности с большим уважением, чем УК РФ. Стоимостные критерии оценки предмета хищения не имели законодательного закрепления, а разъяснялись только в постановлениях пленумов Верховного Суда СССР. К тому же эти разъяснения касались только оценки государственного или общественного имущества¹⁰. По отношению к личной собственности они не имели никакого значения, уголовно-правовая оценка ориентировалась исключительно на имущественное положение потерпевшего.

Дифференциация уголовно-правовых последствий хищений различных форм собственности (личной, государственной или общественной) по УК РСФСР сегодня трактуется как пример неравенства, уничижительного отношения государства к правам и законным интересам личности. Устранение этого неравенства (отказ от указанной выше дифференциации), напротив – пример изменения приоритетов, уважительного отношения УК РФ к человеку. Однако, как уже отмечалось, при таком „уважительном” отношении государства к личности, человек как носитель имущественного права не принимается во внимание. Порицаемая сегодня дифференциация уголовно-правовых последствий хищений различных форм собственности по УК РСФСР хотя бы в малой степени, но все-таки связывала предмет собственности с ее носителем.

Как справедливо отмечает С.А. Бочкарев, „уголовное право, в зависимости от выбранных исходных начал, может иметь своей конечной целью охрану вещи либо личности, держателя предмета или собственника имущества. Оставляя эти начала без должного внимания, уголовное право, как и современное общество, будет неспособно отвечать на вопросы о том, откуда оно и в каком направлении развивается или вообще стагнирует”¹¹.

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. №4 „О судебной практике по делам о хищениях государственного или общественного имущества” // Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 4; 1977, № 6; 1982, № 1.

¹¹ Бочкарев С.А. Собственность в уголовном праве. С. 42.